

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов, спасенные жизни мирных людей — за всем этим стоят бойцы спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ЛЕШИЙ В ПОГОНАХ

Александр Александрович Тамоников

Леший в погонах

**Серия «Спецназ Берии.
Герои секретной войны»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69978187*

Леший в погонах: Эксмо; М.; 2024

ISBN 978-5-04-195728-5

Аннотация

Роман о военном времени, о сложных судьбах и опасной работе неизвестных героев, вошедших в ударный состав «спецназа Берии».

Лето 1944 года. Советские войска развивают наступательную операцию под кодовым названием «Багратион». Не ожидая такого мощного удара, гитлеровцы вынуждены в спешном порядке эвакуировать свои тыловые службы. В районе Орши, прихватив секретный архив агентурной сети, пропадает начальник местного отделения гестапо. На поиски документов исключительной важности отправляется группа Максима Шелестова. Один из ее членов, Борис Коган, практически добравшись до цели, внезапно натывается на вражеский патруль. Для контрразведчика это

верная смерть... Так бы и случилось, если бы в последний момент один из немцев не показался Когану подозрительно знакомым...

Эта серия хороша тем, что в ней проведена верная главная мысль: в НКВД Лаврентия Берии умели верить людям, потому что им умел верить сам нарком. История группы майора Шелестова сходна с реальной историей крупного агента абвера, бывшего штабс-капитана царской армии Нелидова, попавшего на Лубянку в сентябре 1939 года. Тем более вероятными выглядят на фоне истории Нелидова приключения Максима Шелестова и его товарищей, описанные в этом романе.

(С. Кремлев)

Общий тираж книг А. Тамоникова – более 10 миллионов экземпляров.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	32
Глава 3	61
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Александр Александрович Тамоников Леший в погонах

© Тамоников А. А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

Анна проснулась не сразу. И даже когда сквозь сон она не столько услышала, сколько ощутила этот гул, то все равно просыпаться не хотелось. Нет, это не гул моторов за окном, это не поездка мужа куда-то в деревню ловить партизан. Сердце подсказывало, что сейчас произойдет что-то страшное, настолько страшное, что перевернет всю жизнь, привычную жизнь немецкой женщины, матери двух детей. Весь привычный мир был в руках мужа, он был ее надежной защитой и гарантом семейного спокойствия и надежности. Штурмбаннфюрер Николас Альбрехт, начальник отделения гестапо здесь, в этом районе бывшей Советской России, давал возможность своей жене чувствовать себя уверенно. Но вот сейчас сквозь сон ворвался в сознание уверенной в себе женщины гул моторов советских самолетов, грохот разрывов артиллерийских снарядов. И вместе с этими звуками будто рухнул привычный надежный мир. Анна не поняла еще, что происходит, но она почувствовала, что надвигается страшное.

– Вставай! – закричал муж, срывая с женщины одеяло. – Быстро одевай детей! И в машину!

За окном кричали люди, раздавались команды немецких командиров. Ревели моторы грузовиков и трещали мотоциклетные двигатели. Земля уже дрожала от разрывов, звене-

ла посуда в застекленном шкафу. Бомбы падали где-то на северной окраине в районе железнодорожного вокзала. Анна быстро натянула юбку, схватила блузку, но никак не могла попасть трясущимися руками в рукава. Она смотрела на спящих в кроватках детей, и сердце ее сжималось от ужаса. Четырехлетний Рудольф и шестилетний Карл мирно спали. Наконец Анна оделась и стала будить детей.

Все происходило как во сне, страшном ночном кошмаре. Зажигать свет муж запретил, а за окном метались тени, изредка фары машин били в окно, ослепляя, наводя панику. Кто-то из командиров орал истошным голосом, чтобы водитель выключил фары, где-то рядом на соседней улице ударила автоматная очередь, и у Анны чуть не остановилось сердце. Рудольф начал плакать, и женщина взяла его на руки. Она забежала в кабинет мужа, где Николас лихорадочно хватал документы из раскрытого настежь сейфа и бросал в брезентовый мешок. Некоторые папки он укладывал в коричневый кожаный портфель. Увидев жену, он застегнул портфель и закричал, чтобы она бежала и садилась с детьми на заднее сиденье машины. Раньше Николас никогда не кричал на нее, и Анне стало не просто страшно, ей стало жутко.

Она выбежала на улицу, водитель ее мужа, хмурый молчун Отто стал помогать усаживаться в автомобиль. Николас выбежал на улицу с портфелем, спросил кого-то, не вернулся ли Йозеф Боэр. Ему ответили, что колонна попала под бомбежку. Гул наползал с неба, заполняя все пространство во-

круг. Муж посмотрел на ночное небо и крикнул Отто, чтобы тот заводил машину. Рядом трогались другие машины, какой-то грузовик со скрежетом зацепил легковую машину интендантского управления. Анна сжала плачущих детей, накрыла их головы большим русским платком, который муж привез ей зимой откуда-то из деревни, и стала шептать мальчикам, что все будет хорошо, все обязательно будет хорошо. Наступит утро, и будет солнце и голубое небо. И все страхи останутся позади, в прошлой ночи.

Машина выскочила на ночное шоссе, где уже двигались колонны грузовиков с выключенными фарами. Машины сталкивались, два больших грузовика съехали в кювет, и какой-то офицер бегал вокруг, размахивая руками, пытаясь остановить бронетранспортер. Отто вывернул руль и по обочине шоссе объехал хвост колонны. Анна видела, как муж постоянно крутил головой. Кажется, их автомобиль оторвался от основной колонны машин отдела гестапо. Прошло больше часа, уже светало, а машина все тащилась и тащилась в потоке автомобилей. Никак не удавалось вырваться вперед, обогнать. Анна, прижав к себе сыновей, закрыла глаза и попыталась уснуть, но мысли метались в голове с таким неистовством, что заснуть не удавалось. Как такое могло произойти? Муж постоянно говорил, что у русских временные успехи, что немецкие армии соберутся с силами, получат новые танки и самолеты и снова сметут большевистские орды и опять устрелятся к Москве и дальше к Уралу.

Русские! Анна так и не поняла их, хотя вокруг за последний год их было немало. И горничная была русская, и в ресторане работали русские девушки, и в офицерском гарнизонном клубе, и в городской управе тоже. Они как будто смирились с оккупацией, и в то же время Анна часто ловила на себе ненавидящие взгляды русских женщин. Анна хорошо знала, ей вбили в голову, что при большевиках русские не жили, а мучились, находились почти в рабстве. А немцы принесли сюда порядок, многих увозили на работу в Германию, где люди были защищены, были сыты. Да, убивали тех, кто восставал против германской власти, но это неизбежно. Русские должны были покориться, но они не покорялись. Анна знала, что леса полны партизан, кровожадных и беспощадных.

И тут сердце снова заколотилось. Жуткий смертельный ужас снова охватил Анну, и все внутренности сжались. В воздухе нарастал звук авиационных моторов. Еще минута – и над головами пронеслись советские штурмовики. Всполохи огня, черные клубы разрывов, огонь, грохот! Все двигавшееся по дороге горело, взлетало в воздух, а сверху снова и снова атаковали самолеты с красными звездами на крыльях. Оставляя за собой дымные следы, проносились ракеты, и снова вздымалась земля, рвался и горел металл. Муж кричал водителю, чтобы тот сворачивал в лес, на лесную дорогу. Отто кричал, что здесь не свернуть, надо проехать еще несколько метров. Эти крики, в которых не было уже ниче-

го человеческого, заставляли стонать. Анне хотелось самой что есть мочи закричать, чтобы все это прекратилось. Грохот, разрывы, горящие люди и машины на дороге, вой моторов, крики детей в кабине... Боже...

Максим Шелестов ехал по вечерней Москве и смотрел на небо. Грохотал орудийный салют. Сколько людей на набережных, сколько людей на мостах! И все с восхищением смотрят на небо. Всего год, как прозвучал первый салют в честь побед наших войск, освободивших Белгород и Орел, а люди уже привыкли к победам, люди с надеждой и верой смотрят на небо, слушают грохот артиллерийских залпов и мысленно, всем сердцем, пребывают со своими мужьями, сыновьями и братьями там, на далеких фронтах. Ведь в честь них это торжество, страна гордится своими воинами, их победами.

Шелестов ехал по вызову Платова, не удивляясь, что комиссар госбезопасности ждет его вечером. Меньше людей увидят Максима Андреевича у входа в здание на Лубянке, меньше людей увидят его в коридорах наркомата. Может быть, не только Платов, но и Берия будет участвовать в этой встрече. Как-то Сосновский пошутил, что их группа уже стала личной гвардией Берии, которую на простые задания не отправляют. Михаил даже вспомнил вычитанное где-то из воспоминаний приближенных Наполеона, как он только в критических ситуациях, когда нужна была победа, и только победа, отдавал приказ: «Гвардия, в огонь!» Да, были вре-

мена, а Наполеона даже его гвардия не спасла в 1812 году в России, да и под Ватерлоо тоже. Коган тогда язвительно заметил Михаилу, что тот приравнивает личность Берии к личности Наполеона. Шелестову пришлось вмешаться и перевести разговор на другую тему. Обсуждать наркома, да и вообще кого-либо из руководителей страны, в группе не следовало. Не тот уровень осведомленности и ответственности у членов группы, чтобы кого-то оценивать. Им необходимо выполнять свою работу, на своем уровне.

– Разрешите... – начал было Шелестов, войдя в кабинет Платова, но тот только поднял ладонь, заставляя визитера замолчать, а потом сделал нетерпеливый жест в сторону кресла.

Платов стоял, держа возле уха телефонную трубку, и слушал кого-то, отвечая только короткими междометиями. Шелестов осмотрелся. Все как всегда, ничего не меняется в кабинете комиссара госбезопасности. Правда, сам Павел Анатольевич сильно изменился: еще глубже запали глаза, заострились скулы. Но взгляд все тот же – глубокий, проникающий в самые недра твоего сознания. И кажется, что только взгляд Платова встретится с твоим взглядом, а он уже прочитал твои мысли, понял тебя, угадал, что ты ответишь, как поступишь. Уже три года идет страшная война. Все смертельно устали – и в тылу, и на фронте. А ведь с февраля этого года Платову к его обычным должностным обязанностям добавилось руководство группой «С». Группа занималась агентур-

ной работой в области атомной проблематики. Сотрудники группы добывали, анализировали, обобщали материалы, полученные из-за рубежа. Прежде всего из США, Норвегии. Но больше всего беспокоили работы, проводимые в нацистской Германии. Группа Шелестова еще в прошлом году как раз в Норвегии столкнулась с этой темой. Шелестов и Берия еще год назад почувствовали угрозу, поняли, что некоторые ученые вплотную приблизились к теоретическому моделированию и первым шагам практического исполнения в области атомного оружия большой разрушительной силы.

Положив телефонную трубку на аппарат, Платов почти минуту смотрел на нее с какой-то особенной задумчивостью, как будто еще раз прокручивал в голове недавний телефонный разговор. Потом выражение задумчивости исчезло с лица комиссара госбезопасности, и он бросил на Шелестова внимательный взгляд.

– Видел? – спросил Платов, кивая на окно.

– Да, – улыбнулся Максим Андреевич. – Сегодня их сразу пять. Целых пять салютов!

– Наступаем, громим врага! Освобождаем родную землю! – Платов сжал кулак так, как будто хотел ударить им по крышке стола. Но занесенная рука мягко легла, и он уже спокойнее спросил: – Как группа?

– Занимается, – ответил Шелестов. – Все по плану: боевая подготовка, изучение новых материалов, полученных разведкой, досье немецких и других иностранных разведчи-

ков, пособников, данные по последним проведенным и сорванным вражеским агентурным операциям и операциям союзников.

– Временных союзников, Максим Андреевич, – строго поправил Платов. – Временных! Я хочу, чтобы вы хорошо понимали, что Запад с нами по необходимости, что наши союзники не смогли сами загнать в конуру возвращенного ими же зверя, возвращенного именно против нас. Запад – это такой же зверь, как и нацистская Германия, готовый и сам вцепиться в нас зубами, стоит нам только отвернуться и ослабить внимание. Никогда Запад не оставит нас в покое, ему не нужна наша страна сильной и независимой. Ему всегда не будут давать покоя наши колоссальные природные ресурсы. И дело не в коммунистической идеологии. Мы можем ее поменять на любую другую, и Запад все равно найдет причину, чтобы враждовать с нами, чтобы нас ненавидеть. Учтите это и не поддавайтесь на любезное протягивание нам руки Запада. Придет время, и эта рука ударит нам в спину. Обязательно ударит!

– Мы не питаем иллюзий, товарищ комиссар госбезопасности, – понимающе кивнул Шелестов. – Готов выслушать ваше задание. Вы же пригласили меня для этого?

– Задание, – с какой-то странной интонацией произнес Платов, взял со стола карандаш и задумчиво покрутил его в руках. – Задание будет несколько странным, Максим Андреевич. Возможно, что полученная информация не стоит и

выеденного яйца, а может, стоит очень дорого. Много нелепостей, много неточностей. Я бы считал эту информацию провокацией, хорошо подготовленной дезинформацией, но в таком случае нам бы подкинули более лакомый кусочек. А тут: вроде бы, где-то, возможно, есть основания полагать...

– Но проверять эту информацию все равно нужно?

– Обязательно нужно, когда речь идет о секретном архиве отделения гестапо, которое действовало больше года в районе Орши. Архив, в котором имеются сведения о предателях, пособниках и, возможно, «законсервированной» агентуре, которую специально готовили именно для такого вот случая. Случая нашего наступления, чтобы оставить на освобожденной нами территории «пятую колонну», разведчиков и диверсантов.

– И этот архив, конечно, был утерян ротозеем-гестаповцем во время панического бегства, когда началось наше наступление в Белоруссии?

– Молодец, – усмехнулся Платов. – Уловил мои сомнения. Слишком уж незамысловатый и часто используемый шаблон.

– А если не шаблон, а если это правда? – задумчиво произнес Шелестов. – И еще. А если и деза, то с какой целью? Я понимаю, если это произошло на территории Германии, если на временно оккупированной немецкими войсками территории какой-то другой страны, даже нашей. Это позволило бы вражеской разведке вскрыть нашу агентурную сеть, когда мы

попытаемся завладеть архивом. Но архив, как я понял, утерян во время бегства и находится на территории, освобожденной Красной армией.

– Все правильно, Максим Андреевич, – подтвердил Платов. – Именно эти сомнения и не дают мне покоя. Именно они меня и заставляют отправлять твою группу на только что освобожденную территорию. Посмотрите там, на месте, допросите людей, которые могли иметь отношение к тем событиям, могли быть вольными или невольными свидетелями. В помощь вам придается майор Морозов Тимофей Иванович из Смерша 11-й гвардейской армии. Он первым наткнулся на сведения об эвакуированном и утраченном архиве гестапо.

Первое, что бросилось Буторину в глаза, – это фанерные таблички с надписью: «Осторожно мины!». Они были почти всюду вдоль дорог, на опушках. Следы колес и гусениц виднелись на проселочных дорогах, которые шли вдоль шоссе. Те же дороги, что шли в глубь лесов и полей, тоже были под запретом. Точно такие же таблички. Одни из старой фанеры, другие из свежевытесанных дощечек. Было несколько и железных, пробитых пулями и осколками. Осмотревшись по сторонам, Буторин увидел вдалеке крыши нескольких деревенских хат, шест, на вершине которого красовалось колесо от телеги. На вершине, поджав одну ногу среди гнезда из соломы, важно красовался аист. «Жизнь возвращается, если вернулись аисты», – подумал Виктор и зашагал по накатан-

ной дороге в сторону деревушки.

Дорога была мягкая, сплошь песчаник. Идти легко. Солнце припекало, и совсем бы уже казалось, что мир пришел в эти места, если бы не рокот канонады где-то на западе, если бы не мысль, что совсем рядом у края дороги или за опушкой притаилась смерть. Противотанковая, противопехотная, не разорвавшийся в свое время снаряд, мина или авиационная бомба. И вот взрыватель, напряженный как струна, только и ждет, что ослабнет металл и рванется наружу смерть, хватая в свои огненные кровавые объятия всех и все, что будет находиться в этот момент рядом.

Полтора десятка баб, подоткнув подола юбок и неуклюже двигаясь в стоптанных не по размеру кирзовых сапогах, окучивали ряды картошки. Рядом зеленели какие-то огороды. Там малышня в возрасте около десяти лет или даже чуть поменьше возила на маленьких самодельных тележках воду. Мужчина в сдвинутой на затылок кепке, сидя на пеньке, отбивал косу. Вполне мирная картина деревенской жизни.

– Что, полевые работы в самом разгаре? – спросил Буторин, сдвигая фуражку на затылок. – Здорово, хозяин! Приесть можно передохнуть?

– Садись, место не купленное, – усмехнулся мужчина, и сразу стал заметен шрам на щеке и щербатый рот, где, видать после ранения, человек потерял часть зубов.

Буторин достал портсигар, раскрыл его, предлагая собеседнику взять папиросу. Тот глянул на простенький дюра-

левый довоенного выпуска портсигар, на папиросы, потом посмотрел майору в глаза. Папиросу взял аккуратно двумя пальцами, но как-то без охоты. Но тут же пояснил, дунув в гильзу папиросы, замяв зубами ее конец:

– Благодарствую, конечно. Гостям всегда рады, коли с добром. А табачок ваш для наших мест непривычный.

– Ну, и я не всегда папироской балуюсь, – пожал плечами Буторин. – Приходится и мне махорку курить... А что, бывает, приходят и не с добром? Мир ведь теперь на белорусской земле, выбили мы вражину далеко на запад. Не вернут-ся, это уж точно. Гоним взащей!

– Ты, майор, я смотрю по эмблемам на погонах, офицер пехотный, – затянувшись несколько раз, проговорил мужчина. – Да только вопросы задаешь не такие. Да и частей тут воинских не видно. Не на постой же сватать к нам свою часть пришел. Негде тут стоять – полторы хаты и два сарая. Да бабы с детишками голодные. И моя пара рук на все про все. Так-то вот. Ты ежели с чем пришел, так говори прямо, не наводи тень на плетень. Я калач тертый, партизанил в этих краях.

– Да знаю я, Андрей Богданович, – спокойно сказал Буторин. – Все про тебя знаю. И что партизанил, что ранение имеешь, медаль. Что до войны председателем колхоза был, да и теперь вот вернулся к порушенному хозяйству, восстанавливаешь его, руки не опустил. Ответственность на тебе перед людьми, перед Родиной. Привык ты отвечать и себя не

жалеть. Все знаю про тебя, Андрей Богданович Яблык, потому и пришел к тебе за советом.

Буторин полез в карман, вытащил красное удостоверение Смерша и, прикрывая его рукой, показал мужчине. Тот глянул, кивнул и, попыхивая папироской, стал смотреть на баб. Разговор не сразу начал клеиться, непростая судьба была у партизана. Говорить о войне те, кто прошел ее горнило, не любят. В армию Яблыка в 41-м не взяли из-за плоскостопия, в эвакуацию колхоз не успел. По приказу партийной власти жгли хлеба, забивали скот, чтобы не достался врагу. Многие покинули свои дома, подались на восток. Да успел ли кто далеко уйти, теперь и не скажешь. Сколько косточек по полям, лесам и дорогам лежат. И солдатских, и мирных граждан. Только Андрей Богданович на восток не ушел, а ушел в леса с другими мужиками. Там сошелся и с красноармейцами, что оказались в окружении, и с отрядами, которые специально оставляли в лесах государственно-партийные органы.

В тяжелых боях побывал партизан Яблык. Друзей, товарищей боевых терял, жену похоронил. А уж сколько горя людского повидал – такого никому не пожелаешь. Залил враг землю белорусскую кровушкой, по самое горло залил. И бил врага бывший председатель колхоза со всей своей ненавистью и накопившейся злостью. И людей всяких повидал Андрей Богданович. От героев, которым славу петь во всех поколениях, до тех, презрение к которым останется в памяти народной. Разговор постепенно вошел в нужное русло. И про

гестапо рассказал Яблык, про полицаев, предателей, которых засылали в отряды каратели, про немецких агентов, про тех, кто добровольно пошел служить к врагу за кусок хлеба, кто продался за «тридцать сребреников».

– Я тебе так скажу, Виктор Алексеевич, – заявил партизан, снова закуривая, но теперь свой табачок из расшитого кисета. – Не все так просто было. Не было такого, что вот тебе враг, а вот тебе друг. Были и такие, что просто прятались, за шкуру свою тряслись. Были и такие, что видимость создавали, что они подпольщики, партизаны, а на самом деле – пшик один. Были и враги, выдававшие себя за подпольщиков, тех специально в гестапо готовили, подбирали. Поди разберись сразу, кто есть кто. Кровью платили за это. Умело гестапо работать, умели они всю мразь собирать в кучу и против нас направлять.

– А что про начальника гестапо Альбрехта скажешь?

– Да что про него сказать, – нахмурился мужчина. – Нацист из нацистов. Люто ненавидел всех славян. Но умен был, это я подтверждаю. Мастер своего дела. Умел находить подход к гадам всяким, кто готов Родину продать. Несколько партизанских отрядов этот гестаповец погубил. Очень умело засылал в отряды своих осведомителей-диверсантов. А потом отряд накрывали или бомбами в лесу, или каратели на переходе отряда устраивали засаду.

– Хитер, значит, был? А скажи, Андрей Богданович, что он за человек был в быту. Может, рассказывали что про этого

штурмбаннфюрера?

– Рассказывали, – кивнул партизан. – На него же охоту устраивали. Каждый отряд прикидывал, как угробить этого гада. Подходы к нему присматривали, изучали его жизнь, как у него день построен. Аккуратист был, холеный такой весь. Воротничок всегда белоснежный, манжеты тоже. Пылинку увидит, так его денщик Отто с щеткой бежит уже. Не гестаповец, а просто барин. У него и жена, говорят, такая же. Зачем он ее выписал сюда, не знаю, но она с детьми приехала. Наверное, рассчитывали, что они навсегда на наших землях обоснуются. Тоже вся из себя дамочка была важная. Говорят, ее даже жены немецких офицеров в гарнизоне побаивались и слушались как генерала в юбке.

Майор Морозов был мужчиной невысоким, внешность имел неброскую. Шелестов после первых тридцати минут знакомства с майором подумал, что сейчас они расстанутся, а через неделю Максим Андреевич не сумеет составить словесный портрет этого человека. И голос у него самый обыкновенный, и никаких особенных словечек и шуток-прибауток в его лексиконе не было. А ведь так и надо, усмехнулся Шелестов, – незапоминающийся, неприметный, не бросающийся в глаза. Таким должен быть оперативник, контрразведчик.

– Сейчас здесь пусто, – обведя взглядом помещение, сказал Морозов. – Мы вывезли все после того, как осмотрели

строение, простучали полы, стены. Тайников не нашли.

– Как долго здесь размещалось отделение гестапо? – спросил Шелестов, обходя большую комнату, заглядывая в небольшое смежное помещение.

– Больше года, как показали свидетели. У них была своя тюрьма в подвале, но вход со стороны двора. Мы можем потом осмотреть и подвал.

– Нас интересуют документы, Тимофей Иванович, – напомнил Шелестов. – Архив вывезен, но по дороге пропал... Так вы сообщали в Москву?

– Не совсем так, – возразил майор. – В Москву сообщали из Управления контрразведки Смерш-армии. Я не знаю, каков был текст сообщения, но в принципе вы верно определили положение именно таким. По некоторым агентурным сведениям, часть архива действительно пропала во время нашего наступления. Дороги бомбила наша авиация, бомбила, надо сказать, страшно. Я видел остатки немецких колонн.

– Вам удалось установить личности русских пособников, кто мог быть свидетелем эвакуации отделения гестапо?

– Да, мы этим делом плотно занимаемся, товарищ подполковник. Этими людьми могли быть кто-то из полицаев, которых привлекали к карательным операциям, кто-то из агентов гестапо, кто работал среди местного населения и периодически информировал свое руководство здесь в отделении гестапо.

– Хорошо, держите меня в курсе. О любой, пусть са-

мой незначительной информации сразу докладывайте мне. А сейчас, Тимофей Иванович, я хочу вас расспросить вот о чем. — Шелестов прошелся по комнате и уселся на стул возле стола. — Скажите, что представляет собой этот штурмбанн-фюрер Николас Альбрехт. Вы получили какое-то представление о его личности? Да вы садитесь, садитесь!

Морозов кивнул, взял второй стул, проверил его на прочность и уселся напротив Шелестова. Он снял фуражку, пригладил волосы и положил фуражку на стол. Максим Андреевич с интересом наблюдал за майором, понимая, что тот совершает все эти движения для того, чтобы собраться с мыслями и точно ответить на вопрос.

— Я понимаю ваш вопрос, — наконец заговорил Морозов. — По отзывам тех, кто общался с Альбрехтом, кто был свидетелем его деятельности, он был человеком, который хорошо знает свое дело, большой мастер сыскного дела на оккупированной территории. Нельзя сказать, что он недооценивал наш народ, недооценивал наших подпольщиков и партизан, с которыми боролся. Он очень умело использовал предателей, умело подбирал себе агентов для засылки в партизанские отряды и в среду городского подполья. Хорошо разбирался в людях, независимо от национальности. Видел этот тип в них то, что делает похожими друг на друга всех предателей, независимо от национальной принадлежности и цвета кожи, — зависть, жадность, обиду, жажду власти. Планировал операции он очень тонко.

– И все же, – задумчиво проговорил Шелестов, – вы готовы ответить на мой вопрос, который, я так замечая, вы поняли.

– Мог ли сыграть Альбрехт на весь банк, как говорят картежники? – майор хмыкнул и pokrutil головой. – Интересная мысль. Значит, вы полагаете, что начальник местного гестапо мог оценить ситуацию на фронте как катастрофическую для вермахта и вообще предвидеть поражение Германии? Но для этого он должен перестать быть фанатиком и ярым нацистом. А он таковым является. И все, кто его знал, оценивали Альбрехта именно так. И второе: он должен был вступить в сношение с представителями разведок заинтересованных стран. Просто забрать архив с именами и адресами оставленной и готовой работать агентуры, чтобы потом когда-нибудь предложить ее какому-то покупателю? Слишком много «но» в этой гипотезе.

– Конечно, вы правы, – согласился Шелестов. – С этих позиций, безусловно, Альбрехт так поступить не мог. Ну а если мы его недооцениваем? Если ярый нацизм и преданность рейху – лишь маска, лишь хороший добротный образ? А если мы с вами не знаем, что эmissар западной разведки вступал с ним в контакт? Ведь Альбрехт, по вашему же утверждению, работал очень тонко. Мог сработать так же тонко и вступив в отношения с американской, британской или любой другой разведкой. Вы не согласны со мной?

– Я допускаю такую возможность, – после недолгой паузы

ответил Морозов. – Ценность такого архива сложно переоценить. Я понял задачу. Будем прорабатывать и возможность подобных контактов. Но все же меня настораживает информация, что некто неизвестные что-то ищут в лесах на недавно освобожденной территории. Я представлю вам показания свидетелей, к которым обращались неизвестные с расспросами, есть ли в лесах немцы, попавшие в окружение, причем именно небольшие группы. Есть ли в разрушенных селах люди, которые откровенно прячутся там, избегая встреч и с советскими военными, и с гражданскими тоже. Разумеется, обращались с расспросами не наши, не офицеры контрразведки. Это я проверял.

– Хорошо, покажете мне потом протоколы допросов. А теперь расскажите мне о жене Альбрехта, – попросил Шелестов. – Говорят, она в немецком гарнизоне была не последним человеком.

– Напрашивается расхожее определение: «фельдфебель в юбке», – улыбнулся майор, – но больше к ней подходит другое – «генерал в юбке». Она в гарнизоне, точнее в его женской части, заправляла всем. Здесь не так много было офицерских жен, но и среди служащих оккупационной администрации было немало женщин «фольксдойче»¹. Это была ее армия, и она ею командовала. Она следила за всем, начи-

¹ Фольксдойче (нем. Volksdeutsche) – обозначение этнических немцев, проживавших за пределами Германии. Они имели право на переселение в Германию, а также большие льготы на оккупированных территориях. В том числе и в рамках службы во вспомогательных частях.

ная от того, какой должна быть немецкая женщина: как одеваться, какую иметь прическу, как относиться к русской прислуге. Естественно, как воспитывать детей, как приобщать их к исконно германской культуре. Анна носила фамилию Альбрехт по мужу. Урожденная же она Анна фон Аккерман. Старинный род со шведскими корнями. В гарнизоне постоянно проводились концерты и действовал какой-то женский клуб, в котором немки делились кулинарными рецептами, выкройками платьев, музицировали и, конечно же, проводились беседы о Германии, о фюрере и все такое прочее.

– Вы хорошо осведомлены о ней, – удивился Шелестов.

– Эти сведения мы получили от подпольщиков. Они давно искали подходы к Альбрехту. В том числе и через его жену. Изучали быт их семьи, распорядок дня. Несколько раз готовили покушение на штурмбаннфюрера. Но попыток было всего две. Сильная агентура была у гестаповца. Этим ценен и его архив. Ведь все эти люди остались на освобожденной территории.

– Значит, Анна фон Аккерман любит порядок в доме и детей? – усмехнулся Шелестов.

– Очень. И эта любовь не мешала ей бить по лицу и плеткой свою прислугу и официанток в офицерском ресторане. Русские для нее, как и для мужа, – люди второго сорта.

– И завербовать их было невозможно, даже предложив много денег? – Шелестов задумался. – Послушайте, Тимофей Иванович, нам с вами надо не ошибиться в анализе и

на его основе составить план действий. Либо они фанатики: и муж гестаповец, и жена арийка, и оба готовы умереть за свой рейх и за своего фюрера, либо...

– Либо они циники и садисты, люди, привыкшие жить в роскоши, которую обеспечивают им другие, – продолжил Морозов мысль Шелестова. – И тогда они могли понять, почувствовать своим избалованным чутьем, что все рушится. И что скоро наступит конец и рейху, и фюреру. И им сейчас подвернулся единственный шанс вовремя соскочить с подножки этого поезда и пересесть в лодку, которая доставит их в уютный и обеспеченный мир вдали от грохота канонады и смертей мирного населения.

– Образно, – похвалил Шелестов, – но верно. Такого варианта действий этой семейки я не отбрасываю. Значит, давайте с вами набросаем следующий план работы...

– Ваша группа прибыла, товарищ подполковник?

– В основном, – уклончиво ответил Шелестов.

Белобрысый веснушчатый Петя Зотов был совсем не похож на оперативника Смерша. Аккуратная форма ладно сидела на нем. Несмотря на то что старший лейтенант не спал ночь и вместе с группой облазил все окраины, сапоги его к утру сияли, а подворотничок гимнастерки был белоснежен. Коган, посматривая на парня, невольно задумался о том, что, скорее всего, этот оперативник родом откуда-то с волжских берегов и детство его прошло в сплошных рыбалках, смоле-

нии лодок и плетении сетей вместе с дедом по чьей-нибудь родственной линии.

– Слушай, Петя, – Коган поднялся из-за стола и, подойдя к окну, раздвинул занавески, впуская в прокуренную комнату свежий воздух и первые лучи восходящего солнца. – Скажи честно, ты умеешь варить уху? Самую настоящую «тройчатку», чтобы запах от ведра шел такой, что завывать от желания поест хочется, а?

Оперативник удивленно уставился на московского майора, моргая светлыми коровьими ресницами. Что это с ним? Измучились все: бессонная ночь, а перед этим весь день на ногах, а он про уху? Спятил, что ли? А так и не скажешь, глядя на майора Когана. Старший лейтенант осторожно, чтобы это не выглядело неуважительным, пожал плечами и улыбнулся.

– Да я отродясь и рыбу-то не ловил, товарищ майор.

– Как так? – Коган рассмеялся. – Первый раз вижу перед собой парня, который не ловил рыбу, не сидел у костра на берегу. Реки, что ли, не было? Откуда ты родом?

– Я из Казахстана, из-под Кокчетава. Село там есть такое – Балкашино. И река есть, только так, речушка больше. Жабайкой ее у нас называют. Коровы вброд переходят. Верхом научился ездить, а плавать – нет.

– Понятно.

Посмеялись, потеряли глаза, потянулись, так что суставы хрустнули, и снова Коган перевел разговор в деловое русло.

Зотов так и не понял, что Борису Михайловичу понятно было, а ведь невооруженным глазом видно, что помощник вымотался, что слипаются глаза и мозг затуманивается. Вот и нужно было отвлечь, взбодрить, переключить оперативника хоть на несколько минут, чтобы тот мог продолжать работать. И снова дела допрашиваемых, снова оперативники перечитывали показания, делая себе пометки.

Кроме дел и протоколов Коган вместе с Зотовым допросил шестерых фашистских пособников, содержащихся в помещении бывшей немецкой гауптвахты. Четверо оказались просто жадными и недалекими людьми. Им все равно, кого бить, у кого отнимать. Им важно было, что сейчас и здесь они могут жрать и пить вволю и у них есть сильный хозяин. То, что хозяина прогнали, а пособников призвали к ответу за глумление над своим же народом, за предательство, было для них шоком. А вот двое других, служивших в гестапо подручными, – те люто ненавидели советскую власть. И теперь, когда эта власть стала спрашивать с них за преступления против Родины, подонки начали выкручиваться, всячески выгораживать себя и топить на допросах своих бывших дружков и хозяев.

У Бориса Воласика, грузного мужчины сорока семи лет, бегали глаза, он стискивал руки на коленях и старался выгородить себя. Он клялся, что пошел служить к немцам только потому, что голодал и что его могли отправить в концлагерь. А то и вообще убить. А ему очень хотелось найти жену и сы-

на, которые отправились в эвакуацию и исчезли. Он считал себя не вправе умирать, пока не узнает, что с его семьей. И когда его спросили, а как же семьи других граждан Советского Союза, которых мучили и убивали фашисты, Воласик стал выкручиваться и убеждать гражданина начальника, что не только никого лично не мучил, но и даже помогал, передавая в камеры арестованным подпольщикам хлеб и записки от товарищей. Припертый к стене показаниями подпольщиков, которые утверждали, что Борис Воласик сам добровольно вызвался быть палачом, лично истязал пленных партизан, предатель брызгал слюной и кричал, что его оговаривают.

Второй предатель по имени Иван Литвак, щуплый скуластый мужчина, больше молчал, пощады не просил, но на вопросы отвечал обстоятельно, не скрывая ни своих преступлений, ни преступлений тех предателей, которых знал лично, с кем вместе служил врагу. Во время неожиданной эвакуации той ночью, когда началось наступление советских войск, Литвак был дома. Видя, что творится в городке, он не пошел на службу, выжидал и присматривался. А когда понял, что немцы драпают, бросая имущество, решил, что пришло время и ему скрыться.

– Как вы намеревались избежать ответственности перед своим народом за службу врагу? – спросил Зотов.

– Сбежать хотел из этих мест, документами разжиться, – признался Литвак тихим голосом. – А там – как получится. Или на работу где-нибудь устроился бы, или под мобилиза-

цию попал бы. Выбора у меня не было.

– Кто из русских сотрудников гестапо дежурил в ту ночь в отделении?

– Статкевич дежурил, и второй с ним, из местных, Петро Бадула.

– Вы их видели после того, как немцы бежали из городка?

– Видел. Статкевича, – не поднимая глаз, ответил арестованный.

– Где и при каких обстоятельствах вы его видели?

– Ближе к обеду, как немцы драпанули, он мне в окно постучал. Предлагал вместе скрыться. Говорил, что какие-то драгоценности в гестапо прихватил. Ну, там, что у арестованных забирали. Предлагал вместе бежать на восток.

– Вы согласились?

– Нет, отказался, – проворчал Литвак.

– Вы убили Статкевича? Расскажите, почему и как вы это сделали?

– В дом я его не пустил, не хотел пачкать. И бежать с ним не хотел. Его слишком хорошо знали в наших местах. Садист он и насильник. Попался бы я с ним. Велел ему на задах меня ждать, обещал, что возьму еды на дорогу и к нему приду. Ну, через час я пришел с едой. Он стал мне золотишко показывать. Тут я его ножичком и ударил. Несколько раз. Стрелять побоялся, могли услышать. Там его в кустах и оставил вместе с золотом, а сам ушел на запад.

– Почему не забрали у убитого золото?

– Незачем оно мне. В случае чего не объяснишь, откуда оно у меня взялось. Без него спокойнее.

– Где сейчас может находиться Петро Бадула?

– Наверное, на дальнем хуторе у тетки. Статкевич сказал, что они помогали из сейфов бумаги в мешки складывать. А потом поняли, что немцы их пристрелят как свидетелей. Бумаги важные были, а с собой они русских брать не хотели. Статкевич и Бадула сбежали от Альбрехта.

– Где находится этот хутор? Как зовут тетку Петра Бадулы?

Глава 2

Езда по дорогам войны – дело не простое. И пусть война ушла далеко на запад, здесь, на белорусской земле, она тоже оставила свои страшные шрамы. Чернеют рваными язвами поля, расщепленные и обожженные стволы деревьев. Закопченные трубы печей вместо домов и... могилы, могилы, могилы. «Эмка» ныряла в наполненные дождевой водой ямы, объезжала воронки, рывины. И дороги, и обочины были изорваны гусеницами танков. Еще виднелись по обочинам обгорелые остовы машин, ржавели танковые гусеницы, где-то в поле торчали стволы раздавленных и покореженных артиллерийских орудий. Истерзала война, изгрызла эту землю. От одного только взгляда на следы войны они наполняют сердце болью, терзают его.

А ведь здесь жили люди. Жили, работали, любили, женились, рожали детей, выводили их в большой светлый мир. А потом пришел враг – безжалостный, кровожадный, завистливый. Враг, который посчитал, что живущие здесь люди недостойны жить, что они «недочеловеки», ниже арийской расы завоевателей. И стали истреблять народ. Но народ не смирился, народ поднялся навстречу врагу от мала до велика и гонит, гонит врага назад в его логово. Там и прикончит! В этом Борис Коган не сомневался ни секунды.

– Вон там за лесочком хутор, – указал рукой вперед Зотов,

и водитель «эмки» послушно остановился.

Сзади притормозила и свернула на обочину полуторка с автоматчиками полка НКВД из состава войск по охране тылов фронта. Коган с удовлетворением отметил, что старший лейтенант место выбрал удачное. Надо только загнать в лесочек машины, выставить охранение, а самим через лес выйти к хутору. Борис Михайлович вылез из машины на дорогу и, взяв за ремень автомат, повесил его на плечо. «Эх, места-то какие! – подумалось Когану. – Какие сочные травы в этом году, и жаворонок заливается где-то в небе, и пчелы жужжат на полевых цветках. А в лесу грибов, наверное, море».

– Петя, как ты думаешь, – обратился Коган к старшему лейтенанту, – в этом году грибов много?

– Что? Грибов? – Зотов уставился на майора, не понимая, как ему реагировать на слова московского оперативника.

Пофилософствовать захотелось или... Но Коган уже хмуро рассматривал лес по обе стороны от дороги, большой открытый участок, где на развилке дорог торчала рама сгоревшего грузовика. Неожиданно в голову Когану пришла здравая мысль. Лес лесом, а если через лес не пройти, а шуму наделаем, спугнем того, кто нам нужен. В любой военной или оперативной операции важна быстрота и неожиданность для противника. А сейчас и ветер в спину дует. На хуторе могли слышать звуки автомобильных моторов. Да еще грузовик с натугой шел по грязи и с солдатами в кузове.

– Да, грибов, – подтвердил Коган и взял Зотова за ремень

портупей. – Вот что, Петя. Мы все через лес ломиться не будем. Ты говорил, что автоматчиками командует толковый старшина. Вот он пусть лесом и идет, заодно прочешет этот участок местности, может, что подозрительное заметит. Мины попадутся, так ребята обстрелянные, вовремя заметят, что лес заминирован.

– А мы? – стало доходить до Зотова.

– А мы с тобой на «эмке» подъедем с шиком, не прячась, – подмигнул старшему лейтенанту Коган.

– Так ведь увидит он, если там прячется, и...

– Без погон и без оружия, – понизив голос, добавил Коган. – И оружие на виду держать не будем. Насторожится? Да, но не испугается, в панику не ударится, а нам этого и надо. Ребята двинутся лесом и прикроют нас, если что пойдет не так. Но нам с тобой со стороны дороги много чего видно будет. Например, что кто-то с хутора удирает сломя голову. Или наблюдает за нами в бинокль. Солнышко, видишь, с нужного направления нам светит. Стекло отражать будет солнечные лучи.

За руль «эмки» Коган сел сам. Пистолет сзади за брючным ремнем под гимнастеркой впивался в крестец, но приходилось терпеть. Второй пистолет находился в правом кармане форменных бриджей. Так же мучился с двумя пистолетами и Зотов, сидевший рядом на пассажирском сиденье. Временное неудобство можно и перетерпеть, а вот случись огневой контакт, тут второй ствол очень даже поможет. Осо-

бенно если контакт скоротечный и менять пустую обойму в пистолете просто некогда.

– Значит, так, Петя, – объезжая очередную яму на дороге, выбитую во время дождя колесами грузовиков, заговорил Коган. – Еще раз повторяем: подъехали, остановились, я выключил мотор. Вышли из машины. Ты лениво потягиваешься, безмятежно озираешься. Безмятежно! Это главное! А я открою мотор и стану копать в нем, открою крышку радиатора – пусть видят, как он парит. И я – не ты, а я пойду искать хозяев и просить ведро воды. Ты просто топчешься возле машины и смотришь по сторонам, все примечаешь, на усмотаешь. Если что, я надеюсь только на тебя, только ты меня со стороны двора сможешь прикрыть. Наши ребята пока на опушке будут сигнала ждать.

Борис придумал этот план в самый последний момент. Взять живым предателя можно только неожиданно. Если окружить хутор автоматчиками, он по своей душевной злобе может начать отчаянно отстреливаться, может взорвать себя гранатой, и сгорит все хозяйство. Может в заложники взять кого-то из женщин или детей. Стрельба, погони – это все признаки плохой работы оперативников. Хороший, умелый оперативник возьмет преступника так, что тот и пикнуть не успеет. А все эти операции с привлечением войск хороши на фронте и когда тебе противостоит вооруженная банда. Там много думать не надо, их всех покрошить можно очередями, не жалея. Закон военного времени суров – преступник,

застигнутый во время преступления, подлежит расстрелу на месте. Но если этот закон касается уголовных преступлений, то с изменниками Родины, с предателями и шпионами дело обстояло несколько иначе. Уничтожать следовало шпионскую сеть, но сами шпионы были бесценным источником информации. Это Борис Коган знал, как бывший следователь особого отдела НКВД. Живыми, только живыми их надо брать. Тут арифметика простая: сколько информации получишь от шпиона, столько жизней спасешь и своих бойцов на фронте, и гражданских в тылу.

Снять погоны Коган распорядился, чтобы запутать Бадуду. Люди в погонах – это сразу опасность, он боится до смерти, когда за ним придет НКВД. А без погон может быть кто угодно, и скорее всего не военные, а люди, которые хотят показаться военными. И почему только вдвоем? Много вопросов возникнет у предателя, прислушиваться будет, присматриваться. Но главное, что они с Зотовым сразу не напугают его, не бросится он удирать и отстреливаться. Главное – выиграть время, осмотреться самим на хуторе, понять, там ли искомое лицо или уже скрылось. Можно и с автоматчиками все помещения и сараюшки на хуторе проверить, но это уже гарантия перестрелки и смертей. А этого необходимо избежать.

Уже подъезжая к хутору, Коган успел бросить взгляд вокруг и за невысокий развалившийся забор. То, что тут давно ни к чему не прикасалась мужская рука, видно невооружен-

ным глазом. Тесовая крыша сарая провалилась в двух местах, дверь в другое подсобное помещение, вроде курятника, вообще была просто приставлена к дверному проему. Крыша невысокого длинного дома тоже крыта тесом, но... Коган сразу увидел, что крышу недавно ремонтировали. Новые доски были в двух местах светлее потемневших от времени старых. Пожалуй, недавно мужские руки тут поработали. Вопрос – чьи! Петро Бадула или еще кто-то побывал у хозяйки? Открыв дверь машины, Коган быстро сказал напарнику: – Надо попасть в дом и только вдвоем! Будь настороже, тут недавно был мужчина.

Подняв капот машины, Борис грязной тряпкой кое-как открыл крышку горловины радиатора и стал рукой разгонять поднимающийся пар. На пороге дома появилась женщина, вытиравшая руки фартуком. Когану не понравилось, что женщина сначала осмотрелась по сторонам и только потом стала рассматривать гостей. Зотов шагнул к дому, вежливо улыбаясь. Коган нахмурился, но останавливать старшего лейтенанта было уже поздно. Тот вошел во двор, перешагнул через кучу навоза, причем конского и довольно свежего, похлопал рукой по старой телеге, которая уже выросла в землю.

– Кто ж вы такие будете? – высоким голосом спросила женщина, пристально глядясь то в Зотова, то в Когана. – Военные или как?

– Мы, мамаша, бывшие военные, – открыто улыбаясь, за-

явил Зотов, неторопливо приближаясь к женщине. — Демобилизованные по ранению, стало быть. А здесь по делам сугубо гражданским. Советскую власть будем восстанавливать. По партийной линии мы.

— Воды бы нам, хозяйка! — басовито крикнул Коган, стараясь привлечь внимание Зотова, который откровенно увлекся и забыл обо всех договоренностях. — В машину воды залить. Перегрелась она на ваших дорогах.

— Вон бери, — кивнула женщина в сторону сарая, где на пеньке стояло старое мятое ведро. — Пойдем, в колодце сам наберешь.

Коган решительно двинулся к сараю, оттеснил плечом Зотова и буркнул ему, чтобы тот оставался у машины и наблюдал за домом. Молодой офицер показал свою наблюдательность и умело сделал выводы. Он заметил и конский навоз у въезда во двор, хотя в хозяйстве на хуторе лошади явно не было. И телегу заметил, которая стояла у стены не первый год без употребления. Ну и починенную явно мужскими руками крышу Зотов тоже заметил. Но уж больно старшему лейтенанту не терпелось ринуться в дом и всех там задержать. А с таким подходом можно нарваться и на автоматную очередь, и даже на пулеметную, как показывал опыт. И на гранату можно. Коган принял решение действовать сам. Если что-то пойдет не так, то предателям все равно не вырваться отсюда. Для солдат НКВД на опушке сигналом будет первый же выстрел, прозвучавший на хуторе.

Взяв ведро, Коган пошел за женщиной к забору, где виднелся сруб колодца. Вытягивая ведро с водой за старую цепь, он заговорил торопливо, стараясь быть убедительным.

– Кто в доме есть, хозяйка? Быстро отвечай и не подавай виду! Хутор окружен солдатами. Если начнется бой, то в ход пойдут гранаты и дом твой сгорит. Как жить будешь? В твоих интересах ответить и помочь нам. Кто в доме?

Из окна и с чердака колодец не был виден, Зотов торчал у машины и заставлял вести себя осторожно тех, кто в доме. Оставалось выяснить у хозяйки, сколько там человек и кто они, а потом уже приступать к захвату. Но на что Коган совершенно не рассчитывал, так это на то, что у Петро Бадуды не выдержат нервы. Оперативник услышал какой-то странный шум, затем пронзительный крик Зотова: «Стой, стрелять буду!» А затем крик другого человека. Мужской голос отчаянно вскрикнул, раздался треск чего-то ломающегося, а затем звук падения.

– Стой здесь! – заорал Коган женщине, бросив на нее бешеный взгляд, и, выхватив пистолет, бросился во двор.

Окинув взглядом дом и двор, он сразу оценил ситуацию. Чердачное окно распахнуто, створка висела на одном гвозде, а под окном на траве лежал небритый мужчина в майке и старых солдатских галифе. Мужчина пытался что-то сказать, сучил босыми ногами по траве, а Зотов, склонившись над ним и сунув под нос пистолет, требовал сказать, кто еще есть в доме.

– Оставь его, укройся за машиной и прикрывай меня! – рывкнул раздраженный Коган, понимая, что вся операция пошла прахом.

Теперь уже таиться было бесполезно. Надо вызывать автоматчиков, оцеплять все вокруг и прочесывать. Заодно и дать понять тем, кто мог находиться в доме, что их песенка спета. Пусть паникуют и мечутся. Теперь это только на руку.

Глянув, как старший лейтенант присел за «эмкой» и выставил пистолет, Коган выстрелил в воздух и бросился к дому. Рванув на себя входную дверь, он сразу же присел на корточки, но выстрелов не последовало, да и не стал бы никто прятаться в сенях. Слишком мало места и негде укрыться. Вторая дверь вела в дом. Коган рывком открыл ее, но не стал забегать. Он снова крикнул: «Сдавайся!» – и швырнул вверх на уровне головы половичок, подобранный с пола. Любой загнанный в угол человек отреагировал бы выстрелом, но его снова не последовало. Прыгнув головой вперед, Коган перекатился через правое плечо и замер, стоя на одном колене и поводя пистолетом из стороны в сторону. Горница пуста, занавеска, закрывавшая кровать, отодвинута, и видно, что там тоже пусто.

Оставался чердак. Коган вскочил и бросился в сени, откуда лестница вела вверх. Это был самый опасный момент. Если кто-то есть на чердаке, то поймать от него пулю проще простого. И деревянный люк закрыт. Схватив коромысло, стоявшее у стены, Коган поднялся по лестнице и припод-

нял коромыслом люк, стараясь при этом не подставить под выстрел голову. Снова ничего. Отбросив люк и отвлекая возможного противника, Коган швырнул на чердак коромысло, а потом и сам поднялся, выставив над полом только голову и руку с пистолетом. Быстро повернувшись из стороны в сторону, он убедился, что чердак пуст. Кромехлама, который обычно копится у хозяев на чердаке, тут ничего не было. Ну, может быть, еще куча соломы и старое одеяло как временная лежка для скрывающегося человека.

Внизу уже топали шаги автоматчиков, раздавались команды старшины. Зотов покрикивал, что в доме свой и чтобы не вздумали стрелять. Оперативник подошел к двери и крикнул, что в доме пусто и что он выходит. Старшина и Зотов остановились возле мужчины, лежавшего под окном. Коган подошел и присел рядом с ним на корточки. Мужчина дышал тяжело, все пытался поднять голову и хватался за всех скрюченными пальцами. Он хотел что-то сказать, но связной речи не получалось.

– Ты кто? – спросил Коган, понимая, что человек во время падения повредил себе что-то. Скорее всего, у него перелом основания черепа. Раненый был обречен. – Ты Петро Бадула?

– Да, Бадула... – прошептал мужчина, хватая пальцами рукав Когана. – Я не стрелял, не оказывал сопротивления...

Найти этого человека Буторину удалось просто чудом.

Утром Олесь Виноградов должен был уехать на поезде. Бывший партизан, трижды раненный, остался без семьи, без крыши над головой. Его пригласили старые знакомые – нужны руки, чтобы восстанавливать хозяйство.

Буторин по скрипучей деревянной лестнице взбежал на второй этаж старого покосившегося дома. Из потемневшего от копоти коридора четыре двери вели в комнаты. Найдя нужную, Буторин вежливо постучал, а потом толкнул дверь и вошел. Виноградов, стоя возле стола, складывал какие-то вещи в солдатский вещмешок. Еще один мужчина, худой как вешалка в гардеробе, сидел у окна и, задрав подбородок, брлся опасной бритвой. Оба удивленно посмотрели на гостя в стареньком пиджаке и кепке, прикрывавшей седой ежик на голове.

– Прошу прощения, – Буторин снял кепку и провел ладонью по волосам. – Кто из вас будет товарищ Виноградов?

– Я Виноградов, – ответил мужчина с вещевым мешком, с удивлением глядя на гостя.

– Очень хорошо, что я вас застал, товарищ Виноградов, – улыбнулся Буторин как можно приветливее. – Никто из знакомых не знает, где вас найти, знают только, что вы собираетесь уезжать. А мне с вами ой как надо поговорить!

– А вы, собственно, кто будете? – с тревогой в голосе поинтересовался мужчина с бритвой и стал медленно стирать полотенцем пену с лица.

– Да я, собственно, буду из НКВД, – небрежно ответил

Буторин, достал удостоверение и показал Виноградову, а потом второму мужчине. — А вы, простите, кто?

— Моя фамилия Митин, — мужчина встал. — Я старый товарищ Виноградова. Вот, недавно демобилизован из армии по причине ранения. Собирались вместе с Олесем ехать на стройку.

— Понятно, понятно, — озираясь по сторонам, разглядывая стены, старый истертый ковер, кивнул Буторин. — Эта комната, стало быть, ваша?

— Да нет, райсовет нам ее выделил на три дня. Жильцы погибли, вот жилое помещение и отошло райсовету. Мы же на стройку едем, вот и помогают как могут тем, кто собирается восстанавливать республику. — Мужчина хмуро посмотрел на Буторина и добавил: — А вы что же, воспрепятствовать хотите? Так я вам бумагу сейчас предъявлю!

— Да будет вам, — махнул Буторин рукой и уселся на стул. — Нет мне дела до бумаг. Раз решил райсовет — знать, есть у него основания. Советская власть вернулась все же. Мне вот надо несколько вопросов задать товарищу Виноградову. А вы, товарищ Митин, брейтесь, брейтесь. Вы нам не помешаете.

«Ишь какой, — с удовлетворением подумал о Митине Буторин. — Чувствуется фронтовик! Как в бою кинулся отстаивать свои права и решение власти». По большому счету, те вопросы, которые Буторин собирался задавать бывшему партизану, принято задавать наедине и без свидетелей. Но

особой оперативной важности они сейчас не имели. Важнее получить искренние и правдивые ответы, а для этого Виноградова следует расположить к себе, создать обстановку доверительной беседы. Бывший разведчик Буторин хорошо знал правила подготовки и проведения доверительных бесед. И дождавшись, когда Виноградов сядет на второй стул, Буторин заговорил.

– Мне вот вас расспросить надо, товарищ. Дело важное, но долгое. Многие понять надо органам о том, что тут происходило. А кому, как не вам, знать, опытному и храброму партизану. Вы же местный и воевали с гитлеровцами в этих местах, так?

– Ну, так, – сдержанно ответил мужчина. – Так-то оно так, да только я рассказывал уже все вашим товарищам, как фашиста выгнали из этих мест. И рассказывал, и под запись показания давал, и расписывался в этом. Я же с пониманием.

– Обстановка была тяжелая? – Буторин посмотрел в глаза партизану. – Я имею в виду когда фашист пришел сюда.

– Да чего уж легкого. И так, как обухом по голове, что война началась. А уж когда через неделю Минск сдали, а через две враг в этих местах появился. Паника, страх. Люди просто не знали, что делать. Ну, мы, мужики, кто покрепче, кто еще в Гражданскую умел винтовку в руках держать, так и решили. Уйдем в леса и будем сражаться. Так вот и получилось.

– Я знаю, что у вас первый бой получился неудачным. По-

гибли многие из ваших ребят, с кем вы начинали.

– Война. Не всегда враг слабее оказывается, – хмуро ответил Виноградов, и Буторин насторожился, почувствовал, что партизан сейчас замкнется, подумает, что товарищ из НКВД пришел искать виноватых.

– Вы, я так понял, сформировали свой отряд?

– Ну, сформировать ничего не удалось, – вздохнул Виноградов. – Мои ребята почти все погибли в первом же бою. Сунулись без разведки и напоролись на большие силы немцев. Отступали кто как мог. Я потом без патронов и без еды вышел на отряд Гуранова. Он был откуда-то из-под Орши. То ли секретарь райкома партии, то ли член исполкома. Я не знаю точно, да и не интересовался. А потом уже, через несколько недель ушел от них. Чуть снова не попался в лапы гестапо. Но повезло – меня выручили разведчики из отряда Деда. У Деда я и провоевал до этого года.

– Почему вы ушли от Гуранова?

– Да как вам сказать. Сначала мне показалось, что очень уж осторожный у них отряд. Я ведь так для себя решил: воевать так воевать и себя не щадить. А они... Не знаю, я за эти недели, что у них пробыл, так ни об одной операции и слыхом не слыхивал. Пытался как-то спорить с их ребятами, с Гурановым спорить пытался. Мне объясняли, что просто секретность такая, и что мне не положено знать, и каждому рядовому бойцу не положено знать, где и что совершили другие бойцы. А я вам так скажу, что успехами товарищей и

сила всего отряда копится. Гласность – вот главное орудие, которое поднимает боевой дух. Удачная операция, неудачная, а все надо доводить до каждого бойца. Погибли товарищи, значит, злость надо в себе копить, мстить врагу. А если живые вернулись и немчуру побили, так гордость за них, за весь отряд. А так, отсиживаться в лесах – не по мне это.

– А что, осталось впечатление, что Гуранов просто со своими бойцами отсиживался в лесах и никакой партизанской борьбы не вел?

Виноградов удивленно посмотрел на Буторина, потом на своего товарища, который даже перестал бриться и тоже прислушивался к разговору. Буторин не спеша достал портсигар, извлек из него папиросу, постучав мундштуком по крышке портсигара, прикурил от спички. И только потом пояснил.

– Наверное, вы не слышали о таких «отрядах», – затягиваясь папиросой, сказал Буторин. – Их создавали люди, которые хотели спрятаться от войны. Кто-то из трусости создавал отряд, им выделялось оружие, продовольствие, готовилась в лесах база. Но они сидели на этих базах, никого не трогали и внимания фашистов к себе не привлекали. Правда, периодически выпрашивали помощь у местного населения в виде провизии и теплой одежды. А кто-то вынужденно прятался в лесах, потому что эвакуироваться на восток не успели. Тоже делали вид, что они партизаны, хотя ни дня не воевали с захватчиками. Вот и ваш Гуранов, видимо...

– Позвольте, – подал голос Митин от окна, где споласкивал лицо после бритья в старом тазике с водой. – Но я буквально два дня назад видел Гуранова в райцентре с медалью на груди...

Сосновский остановился у ручья, снял с головы фуражку и расстегнул воротник гимнастерки. В воздухе парило, как перед дождем. Здесь в лесу тоже не особенно ощущались свежесть и прохлада. Такое ощущение, что жаркий воздух с полей заполнил и этот лесочек. Набрав горсть воды, Михаил вылил ее себе на голову и разгладил мокрые волосы. Вода приятно стекала по спине за ушами, забиралась под воротник.

Местный оперативник, зрелый мужчина лет пятидесяти со шрамом во всю щеку, стоял и прислушивался к звукам лесочка. Его молодой напарник с новенькими лейтенантскими погонами с вожделием ждал, пока московский майор напьется, чтобы тоже припасть губами к живительной влаге.

– Пей, давай, чего ждешь, – поощрил его Сосновский, поправляя на плече ремень автомата ППС. Отойдя от ручья, он встал рядом со вторым напарником и тоже прислушался. – Напрямик не пойдем? Опасно?

– Напрямик короче, – пожал плечами оперативник. – Да и обходят немцы населенные пункты за километр стороной. Стараются держаться лесных массивов. Из окружения мало кто выходит из них. Большие группы чаще засекают и уни-

чтожают, а мельенькие все равно передовую не проходят. То дети заметят, то бабы увидят издалека. Многие своих мужиков ждут, часто глядят на дорогу. Поэтому кто по опушке идет, кто пустынную дорогу перебежит, кто в лес уходит – всех примечают. Опять же, бывшие партизаны помогают. Нет, сюда они не сунутся. Пойдем вон той тропкой, она нас к деревушке и выведет.

– Хорошо, значит, пожрать удастся, – с удовлетворением кивнул Сосновский и подмигнул молодому оперативнику. – А то сутки мотаемся по лесам, а от этого консервы в вещмешке портятся и хлеб черствеет.

Лейтенант поправил лямки солдатского вещмешка и заулыбался. Майор из Москвы оказался вполне дружелюбным человеком, толковым специалистом. Он не смотрел с высоты своего положения на местных оперативников. За трое суток блуждания по лесам и деревням, изучения следов автомашин, допросов немцев, которых задержали при попытке пробиться к линии фронта, полезной информации почти не было. Следов кого-то из местного отделения гестапо, работавшего в этом районе до наступления Красной армии, пока не найдено. Свидетелей эвакуации документации тоже практически нет, но майор Сосновский всегда пребывал в прекрасном расположении духа и утверждал, что дела идут нормально, замечательно и даже лучше некуда.

– Тихо, – вдруг сказал второй оперативник и поднял руку. Сосновский с лейтенантом тут же замолчали и стали при-

слушиваться. Но первое, что донеслось до них, не было звуками. Это был запах. Запах дыма костра. Костер дымил у кого-то, и этот дым стелился по веткам старых берез, изуродованных пулями и осколками.

– Может, пацаны деревенские жгут? – тихо предположил лейтенант, но его старший напарник сразу отмел это предположение.

– Делать им больше нечего! Ты видел, сколько работы сейчас в деревнях? Там каждая пара рабочих рук на счету. Хоть с огородов своих, а что-то можно получить, хоть как-то прокормиться. Повзрослели деревенские пацаны, не до развлечений им. Низинка там, и кто-то в этой низинке прячется. Только вот не пойму, зачем костер разжигать.

– А затем, – ответил Сосновский, – что с дороги костра не видно, да и не ездит по той дороге никто. Шоссе, которое связывает райцентр с городом, проходит южнее. Вот что, товарищи, мне кажется, что недобрые люди там у костра. Придется нам с этими людьми познакомиться.

– Разделимся и зайдем с трех сторон, – начал было предлагать лейтенант, но Сосновский только покачал головой.

– Мы не знаем, сколько их. Мы не знаем, выставили они боевое охранение или нет. Поодиночке мы хорошая цель. Идти надо группой. Если нас заметят раньше времени и навяжут нам бой, мы хотя бы сможем ответить огнем, у нас хотя бы плотность ответного огня будет более значительная. Значит, так! Идем тихо. В пределах прямой видимости зани-

маем позиции и решаем, что делать дальше. Если там немцы, то, возможно, нам удастся вступить в переговоры и убедить их сдаться. И еще напомним вам обоим важное: стрелять только по конечностям. Нам нужны живые пленные, способные давать показания. Разумеется, если будет такая возможность. Если их там двадцать человек, да еще с пулеметом, то...

– Ну, это понятно, – кивнул старший оперативник и удобнее взял свой автомат. – Ну, двинулись. Я иду первым, я эти места все же знаю. К низинке выведу через кустарник. Там расстояние прямой видимости маленькое.

Сосновский шел вторым, посматривая направо. Это был его сектор внимания по боевому расписанию. Интуиция подсказывала, что это не бандиты, не дезертиры, а именно немцы, которые пытаются выйти из окружения. Русские не стали бы жечь костер. Да и вообще для того, чтобы разводить огонь, нужны серьезные причины. Запах дыма становился все сильнее. Неумелый человек развел его, использовал сырые дрова, а разжигал, скорее всего, какой-то горючей смесью – в воздухе чувствуется запах керосина.

Неожиданно оперативник, шедший впереди, остановился и поднял левую руку. Сосновский сразу прижал стальной приклад ППС к плечу и опустился на одно колено, поводя стволом и внимательно глядя через прицел на окрестные кусты. Лейтенант проворонил команду головного и почти ткнулся коленом в спину Сосновского. Шуметь нельзя и от-

читать неопытного парня сейчас не время. Оперативник в голове их маленькой колонны медленно стал тоже опускаться на колено, а потом, повернув голову, громко прошептал Сосновскому:

– Они там впереди. Звякнули чем-то металлическим. Котелок, наверное, хотя ручья там нет. Думаю, что их там немного.

– Сделаем так: мы с вами парой, выдерживая дистанцию десять, выдвигаемся вперед. Лейтенант пусть прикрывает нас сзади. Когда дойдем до места, откуда видно людей у костра, посматривайте на меня. Скажу: «Атакуем» – значит, бросаемся вперед, и каждый действует по обстановке. Если скажу, что нужно отойти, то молча отползаем назад.

Разойдясь в стороны, Сосновский и оперативник двинулись вперед, стараясь издавать поменьше звуков, неслышно наступать на траву. Понятно, что может попасться старая шишка или сухая ветка, которую не заметить в траве. И тогда треск, резкий звук – и враг насторожится, схватится за оружие. Но пока этого не произошло, нужно подойти к лагерю неизвестных максимально близко. Увидеть людей, понять, кто они такие, сколько их. Группа прошла почти пятьдесят метров, уже стала видна низинка и дым, поднимавшийся из нее, струившийся в кронах деревьев.

Выдала оперативников не сухая ветка, а простая случайность, которую предусмотреть сложно. Слева от Сосновского оперативник вдруг нос к носу столкнулся с небритым

мужчиной в мятом грязном пиджаке и кирзовых сапогах. Мужчина держал в руках немецкий «шмайссер» и тут же вскинул его, увидев человека в советской военной форме. Оперативник опередил своего противника и короткой очередью свалил его. «Все, теперь только быстрота и решительность», – подумал Сосновский и тоже бросился вперед. Он увидел людей в немецкой форме сразу, как только пробежал пару шагов к краю низинки. Трое солдат и один офицер тут же, только услышав очередь, схватились за оружие.

– Бросайте оружие, вы окружены! – закричал Сосновский по-немецки и рискнул дать очередь не в самих немцев, а поверх их голов.

Надежда не оправдалась, «окруженцы» не побросали в испуге оружия, а открыли автоматный огонь. Спасало положение лишь то, что немцы не знали количества напавших на них советских военных, не поняли, что окружены, и надеялись, отстреливаясь, скрыться в лесу. Но лесной массив был небольшой, а сами «окруженцы» были у оперативников как на ладони. Две короткие очереди – и немецкий солдат упал как подкошенный, еще один выронил оружие, схватившись на окровавленное плечо. Сосновский, перебегая от дерева к дереву и уходя вправо от своего напарника, стрелял по ногам, но немцы метались, и он еще ни разу ни в кого не попал. Наконец немецкий солдат, у которого заклинило оружие, бросился по противоположному склону вверх, и Сосновский тут же дал очередь по его ногам. Оперативник

слишком поздно понял, что в сторону убежавшего бросился и немецкий офицер. Стиснув зубы, Михаил опустил оружие и со злостью сплюнул. Немец сам бросился под пулю.

Спустившись вниз, Сосновский с горечью смотрел на немца, которому пуля угодила точно в затылок. Солдат с простреленной ногой корчился на земле, со страхом глядя то на убитого командира, то на русских офицеров. Еще один раненый стонал и отползал от русских в сторону. Второй, которому пуля угодила в плечо, затих. Стало понятно, что пуля перебила большой кровеносный сосуд.

– Эх, жалко, – вздохнул, остановившись рядом, оперативник. – Он бы нам много интересного рассказал.

– Черт бы его побрал, – проворчал Сосновский в ответ. – Этот кинулся вверх по склону, и я ему по ногам стрелял. Так надо же было и офицеру кинуться в ту сторону. Вот и поймал пулю.

– А этот у них, наверное, был проводником!

Обернувшись, Сосновский увидел, как лейтенант стаскивал вниз по склону убитого мужчину в гражданской одежде. Ну, хоть так, хоть двое раненых немецких солдат, а не только одни трупы. Эта мысль утешила, но ненадолго. Осмотревшись во временном лагере «окруженцев», Сосновский понял, что они тут делали и зачем разжигали костер. В кустах валялись жерди самодельных носилок и окровавленная простыня. А еще на краю поляны виднелся холмик свежей могилы. На грубом кресте, вытесанном ножами, раскален-

ным на огне шомполом выжжена надпись: «Oberst Friedrich Heidrich».

«Ну, вот и разгадка, – подумал Сосновский. – Они раненого полковника несли, да не донесли». Глупо, конечно, было надеяться спасти полковника, но у всех свои представления о военной чести. И эти солдаты остались верны своему командиру, хотя могли бы сохранить ему жизнь, сдавшись. Он обернулся и посмотрел, как его оперативники перевязывают раненых немцев. Он подошел к солдату с перевязанной ногой. Штанину ему разрезали, чтобы обработать рану, и теперь он лежал бледный и жалкий. Губы у раненого дрожали, но страх, кажется, начал проходить. Понимал гитлеровец, что его перевязали не для того, чтобы убить. Надеется теперь, что останется в живых.

– Отвечай на мои вопросы, если хочешь жить, – заговорил с немцем Сосновский. – Кто этот человек в гражданской одежде?

– Это ваш, русский, – торопливо произнес солдат. – Мы его встретили, когда он прятался в лесу. Он служил в гражданской полиции, боялся, что его поймают и расстреляют.

– Куда вы шли? К линии фронта?

– Да, – закивал немец.

– С раненым полковником на носилках? – с сомнением обернулся в сторону могилы Сосновский. – Говори правду!

Немец испуганно втянул голову в плечи, глядя снизу вверх на грозного русского майора, который так хорошо го-

ворит по-немецки. Ясно, что идут уже не первый день без еды и воды. Подавлены, страшно устали, отчаялись. А тут еще перестрелка, гибель товарищей, с которыми вот уже несколько дней делили последние сухари. А может, и не ужас он ощущал от гибели товарищей, может быть, даже облегчение. Может, осознал, что все закончилось, все мучения. Стыдно? Да, но жить все равно хочется. А тут такая надежда появилась. Сосновский не ошибся, он правильно понял состояние этого солдата.

– Полковник был обречен. У него тяжелое ранение. И если без медицинской помощи, то он был обречен, – заговорил немец усталым голосом. – Мы знали, что умрет и нам придется его похоронить, а тут этот русский. Сказал, что поможет дойти до какого-то села, где его знакомый спрячет полковника, вылечит. Но мы не донесли. Наш обер-лейтенант очень надеялся спастись, но ему тоже не повезло.

– А тебе повезло? – удивился Сосновский.

– Мне? – на лице пленного снова промелькнула тревога. – Но вы же меня не убьете, я же...

– Можем и убить, – усмехнулся Сосновский. – Следовало бы убить, но, в отличие от вас, мы чтим международные конвенции в отношении военнопленных. Куда вы шли, что за село?

– Я не знаю, нам не сказали. Этот человек разговаривал с обер-лейтенантом.

– Ладно, сколько вам оставалось еще идти, по мнению это-

го полиция?

– Он обещал, что к вечеру мы дойдем до нужного места.

Достав из планшета крупномасштабную карту этого района, Сосновский прикинул скорость движения группы с носилками и раненым полковником. Максимум два-три километра в час. К вечеру? Ну, пусть им оставалось идти даже десять часов. Двадцать-тридцать километров? Наверняка даже меньше, потому что двигаться с раненым они могли со скоростью два-три километра в час. Но им приходилось часто останавливаться для отдыха. Итого за десять часов они прошли бы километров десять, и не больше. А что у нас в радиусе десяти километров? Какие деревушки?

Шелестов, наливая в чашки горячий свежезаваренный чай, поглядывал на Когана, как тот, стоя у раковины, умывался. Борис набирал в ладони холодную воду и прижимал их к лицу. Максим знал, что Коган не спал уже две ночи, отдавшись целиком допросам. За это время он допросил человек тридцать бывших полицейских, изменников, выдававших гитлеровцам партизан и подпольщиков. К сожалению, большая часть изменников еще не поймана, кто-то скрывается по дальним хуторам, по лесам, а кому-то удалось уйти вместе с немцами. И Коган допрашивал, подолгу задумывался над показаниями, кого-то вызывал на повторные допросы. Он рисовал только ему одному понятные схемы.

Наконец Коган закончил умываться, растер лицо полотен-

цем и, аккуратно застегнув воротник гимнастерки с белым подворотничком, уселся за стол рядом с Шелестовым.

– Когда ты все успеваешь? – спросил Максим, пододвигая другу чашку.

– Что именно? – без всякого интереса осведомился Коган, держа чашку в ладонях, как будто грел о нее руки.

– И подворотничок у тебя белоснежный, и сам ты выбрит дочиста, и даже одеколоном пахнешь.

– Это называется собранность и самодисциплина, – усмехнулся Коган. – Главное – не переставать думать и анализировать. А чем твои руки в этот момент заняты – не важно. Только вот мне особенно нечем тебя порадовать, Максим Андреевич. Была зацепка, но Петро Бадула грохнулся с чердака и сломал себе шею. Тут никто не виноват, только он сам. А мы просто не успели «соломки подстелить». Показания есть, но они опять указывают на то, что Петро Бадула был последним, кто видел, как уезжал начальник гестапо Альбрехт. Бадула и в карательных операциях принимал участие по заданию гестапо, и в отряды его забрасывали.

– Почему этот пес не сбежал вместе с хозяином? – спросил Шелестов, прихлебывая чай. – Это ты для себя понял?

– Струсил, я думаю. Там на хуторе в тридцати километрах от города он мог отосидеться, а потом постараться изменить внешность и убраться с чужими документами куда-то на восток. Чужих документов мы нашли у него в доме несколько штук. Здесь оставаться и легализоваться было нельзя. Ра-

но или поздно обязательно кто-нибудь опознает предателя и пособника нацистов. Уйти с немцами? Много знает, может быть, знает про архив с данными «законсервированных» агентов. Были основания у такого хитрого и пронырливого человека, как Петро Бадула, бояться, что немцы его прибьют как лишнего свидетеля. А может, понимал, что как ни сложись история Европы после войны, а вне Родины ему жить все равно не с руки. Не смог бы он на Западе жить.

– Вот это скорее всего, – согласился Шелестов. – Характерный типаж для предателя. Здесь он все знает, здесь он вырос. Здесь ему хитрить и изворачиваться проще, жизнь свою наладить проще. А там все чужое, да как его еще примут там.

– И все-таки я не отрицаю и фактор страха. Есть показания, что Петро Бадула помогал грузить документы из сейфа гестапо в машину. Прорезиненные мешки видели другие полицейские. И потом, я допрашивал хозяйку хутора, где прятался Бадула. Она подтвердила, что Петро немцев боялся больше, чем прихода Красной армии. Она призналась, что Петро предлагал ей бежать вместе с ним на восток. Знаешь, что следователи изъяли в доме той женщины кроме советских документов, которые Бадула украл в гестапо? Золотишко!

– Золото? – удивился Шелестов и даже поставил чашку с чаем на стол. – Откуда?

– Часы, кольца, серьги. Думаю, что это изымалось гестаповцами у арестованных людей. Это еще одна причина, почему Бадула больше боится немцев, чем наших. Наверняка

кто-то в гестапо на это золото рассчитывал. Может быть, даже сам Альбрехт.

– Ясно, – усмехнулся Шелестов. – Значит, решил себе обеспечить безбедную старость. Так сказать, по линии гестаповского профсоюза! Сволочь!

– Да уж! – поморщился Коган. – Таких к стенке ставить, а этот успел вывернуться, шею себе свернуть. Посмотрел бы я на него во время следствия и перед расстрелом. Ладно, Максим Андреевич, есть одна зацепочка, но, чтобы ее разматывать, нужно по Смершу всего фронта циркуляр писать за подписью Платова, не ниже.

– Что за зацепка?

– Служебная машина Альбрехта. Та, на которой он уезжал с женой, детьми и самыми ценными документами. Машина, хорошо известная партизанам и подпольщикам. Сколько раз пытались устроить покушение, подкарауливали ее на улицах и за городом. Черный «Мерседес» с номером КН140093.

– Да, я составлю рапорт и отправлю в Москву, – оживился Шелестов. – Надо поискать, узнать, не появлялась ли где эта машина... Кстати, утром приедет Буторин. У него есть сведения, что Бадула, как представитель подполья, появлялся в партизанском отряде Гуранова.

– Гуранова? Это того самого, который выдавал себя за активного командира боевого отряда? Любопытно! И что он там делал?

– Неизвестно. Петро Бадула пробыл в отряде всего

несколько дней. А когда началось наше активное наступление, отряд стал выходить навстречу своим, тут Бадула и исчез. Ну ничего, есть у нас и еще один интересный адресочек.

Глава 3

Убедить кого-то, что ты есть тот, за кого себя выдаешь, можно лишь одним способом – почувствовать себя этим человеком, почувствовать самому. Да, важен язык, осанка, мимика, жестикуляция, выражения, которыми ты пользуешься. Но все это можно скопировать, а достоверной копия станет тогда, когда ты почувствуешь себя нужным человеком. И Сосновский, усевшись на пенек и прислонившись спиной к стволу березы, прикрыл глаза. Он вспоминал Берлин. Что должен был вспоминать немецкий офицер из хорошей семьи, с хорошим воспитанием, чувствующий себя истинным арийцем и боготворящим рейх и Берлин. Да, он должен был вырасти в той кайзеровской Германии.

И Сосновский представил себя – нет, не представил, а ощутил – молодым немецким офицером, который выходит из такси на Потсдамской площади. Прямой, холеный, самодовольный. Он идет вдоль торговых рядов мимо кафе, в стороне звенят трамваи, гражданские вежливо расступаются, а жандарм на углу подносит пальцы к своему шлему, приветствуя офицера вермахта. «Что я еще должен вспомнить и чем гордиться? – думал Сосновский. – Колонной Победы перед зданием рейхстага! Величественной, со скульптурой крылатой богини на самой вершине. Сначала в монументе было три секции, символизирующих победы Германии над

Данией, Австрией и Францией. В тысяча девятьсот тридцать девятом году монумент по распоряжению Гитлера дополняют еще одной секцией... А Городской дворец и Дворцовый мост? Да, как раз напротив Берлинского собора! Старинная бессменная резиденция прусских королей и германских императоров. А Александерплац, а Бранденбургские ворота? А милые цветочницы на Ляйпцигерплац! Да...

Сосновский открыл глаза и стяхнул наваждение. Да, Берлин он знал хорошо, ведь несколько лет Сосновский работал в разведке, и как раз в Германии. И вот снова родная земля. Опушка, закатная тишина русской деревни. И он, германский офицер, должен сидеть на пеньке, одетый в потрепанную одежду с чужого плеча, и прятаться, чтобы выжить в этой дикой стране. Но я хочу выжить и поэтому должен быть хитрым, умным и коварным немцем. И русское население для меня – только инструмент, с помощью которого я хочу выжить и добраться до своих.

Добраться до деревушки удалось незаметно. Сосновский присел на краю овражка, расстелив брезентовый плащ, и проверил свои карманы. Так, пистолет «вальтер», финка в самодельных ножнах на икре в правой штанине. Мешочек с золотом, который он получил у следователя, ведущего дело Петро Бадуды. В почти пустом вещмешке были несколько кусков подсохшего хлеба, банка тушенки, жестяная мятая кружка, застиранная мужская рубашка, грязное полотенце и деревянная ложка со сколами по краям. Ну что же, нехит-

рый скарб бродяги. Проверив пистолет, Сосновский завязал тесемки вещмешка и надел его на спину. Перекинув через руку плащ, вышел к забору крайней хаты и прислушался. Да, война оставила деревни без собак. Какие-то убежали в леса, дальше на восток от войны, каких-то немцы перестреляли. Сейчас даже было хорошо, что не раздавался собачий лай, что никто в деревне не поднимал шума из-за чужака. Хотя что осталось от деревни... Полтора десятка дворов.

Вот и нужный дом, в котором живет некий Зенон Мотыль. Личность таинственная и мерзкая, если судить по показаниям свидетелей. Выдавал гестапо подпольщиков, а зачастую и тех, чьим имуществом хотел завладеть. Но делал это тайно, чужими руками. До него следствие еще не добралось, только косвенные улики попадают в руки следователей и контрразведки. Но в поле зрения Смерша Мотыль уже попал, и Сосновский предложил вступить с Зеноном в игру. Мотыль мог оказаться просто мелким негодяем, а мог и виновником гибели десятков людей, агентом гестапо.

Убедившись, что на улицах пусто, Сосновский несколько раз тихо, но настойчиво постучал в окно. В доме было тихо, но Сосновский упорно стучал в оконную раму, и наконец отодвинулась занавеска и за стеклом возник мужчина лет пятидесяти, у которого было широкое лицо с трехдневной щетиной и отеками веками.

– Друг, открой, – попросил Сосновский голосом смертельно уставшего человека. – Дай воды попить!

Лицо в окне исчезло. Это был именно Мотыль, Сосновский узнал его по описанию и довоенному паспортному фото, которое удалось найти в старом архиве. Теперь он или не станет открывать и больше не покажется, или все-таки откроет. «Откроет, – подумал Сосновский. – Не хотел бы открывать, то и к окну не подошел бы. Сделал бы вид, что в доме никого нет». Оперативник, осматриваясь по сторонам, неслышно переместился к входной двери. Ступени дико скрипели, и таиться смысла уже не было. Сосновский поднялся к входной двери и постучал.

Дверь сразу открылась, но не на всю ширину, а только для того, чтобы хозяин смог рассмотреть вечернего гостя. Мотыль стоял босиком и в исподних штанах. Одной рукой он придерживал дверь, вторую держал за спиной. Сосновский подумал, что там мог быть пистолет, но потом увидел конец топорща. Мотыль прятал за спиной топор. Изображая усталость и бессилие, Сосновский оперся рукой о дверной косяк и, с шумом выдохнув, заговорил по-русски, но с заметным немецким акцентом.

– Помогите мне! Дайте спрятаться у вас, хоть на несколько дней. Я смертельно устал. Помогите, я вам заплачу, хорошо заплачу!

Сосновский сразу почувствовал, что Мотыль клюнул. Да, этот человек, который пришел в грязной и мятой гражданской одежде, не просто беженец, он даже не русский. Немец, хорошо говорящий по-русски, или румын, венгр. И изъясня-

ется так, что понятно – не простой солдат, а офицер. И запа-
ли в душу жадного Мотыля слова «я заплачу». Ему ясно, что
этот гость кобениться не будет, ему есть чего и кого бояться.
Из него можно веревки вить.

И теперь надо поторопить предателя, заставить его при-
нять решение, а не раздумывать. Просьба – признак слабо-
сти, признак силы – умение и желание взять то, что тебе нуж-
но.

И Сосновский одним сильным толчком распахнул дверь и
шагнул внутрь дома. От неожиданности Мотыль отступил и
даже выдернул из-за спины руку с топором. Но гость тут же
ударил хозяина ногой сбоку под колено, а когда тот потерял
равновесие, схватил вооруженную руку и стиснул запястье.
Мотыль попытался вырваться, оттолкнуть гостя, но Соснов-
ский резко вывернул ему руку, одновременно наклоняя че-
ловека лицом вниз. Топор полетел с лязгом в угол, ударив-
шись о печь, а самого Мотыля, не выпуская его руки, Сос-
новский схватил за волосы и поднял к себе покрасневшее от
натуги лицо.

– Не надо меня бояться! – горячо задышал хозяину в лицо
Сосновский. – Если бы я хотел тебя убить, то убил бы давно.
Но мне нужна помощь, понимаешь, помощь! Спрячь меня, и
я дам тебе не деньги, которые скоро ничего не будут стоить,
а золото. Его можно обменять и на деньги, и на еду, и на что
удобно, даже на человеческую жизнь. Ну? Ты понял меня?

– Понял, понял! – с готовностью закивал Мотыль. – Не

убивайте меня, я вам помогу, обязательно помогу!

– Ты дурак, русский дурак, – холодно произнес Сосновский. – Я сказал, что не хочу тебя убивать. Ты мне полезен живым.

Не выпуская из кулака волосы Мотыля, Сосновский вытащил из-за ремня пистолет и сунул его под нос предателя. Из ствола нечищеного оружия кисло воняло сгоревшим порохом. Знакомый запах для бывшего полиция и гестаповского пособника, очень хорошо знакомый. Этот запах скажет Мотылю намного больше, чем слова. Может быть, и сказал, но, скорее всего, внутри этого человека сидел великий приспособленец. И то, что Мотыль сейчас усердно кивал и всячески демонстрировал свое послушание, могло совершенно не означать его истинное настроение и его истинные намерения.

Сосновский отпустил голову хозяина и, оттолкнув его в сторону, прошел в хату, осторожно поглядывая по сторонам и держа наготове в руке пистолет. Мотыль жил в доме один. Это было совершенно очевидно и по постели, и по той одежде, что висела на деревянном крюке у двери и за занавеской, которая отделяла кровать от остальной горницы. Да и по посуде тоже. Мотыль быстро сообразил, что к нему пришел гость характера решительного, и засуетился. Он стал готовить ужин, приговаривая, что накормит гостя, уступит ему свою постель. Убеждал, что в их деревне тихо и власти сюда не суются. Да и от деревни осталось всего несколько до-

мов, в которых живут старики да старухи. Несколько раз Мотыль пытался снова завести разговор и напоминать угрозы гостя, просил не убивать его и не делать ничего худого. И когда Сосновский уселся за стол, на котором кроме вареной картошки, укропа и вареной рыбы, ничего не было, ему пришлось успокоить хозяина, и он швырнул на стол мешочек.

Мешочек звякнул очень интригующе. Мотыль, видимо, догадался, что может находиться внутри. Он так разволновался, что у него вспотело лицо. Вытерев пот рукавом, он протянул дрожащую руку и стал развязывать мешочек. Сосновский демонстративно отвернулся и стал доставать из своего вещмешка банку советской тушенки и краюху подсохшего хлеба.

Открыв ножом консервы, гость принялся заедать холодную картошку кусками мяса, которые доставал из банки деревянной ложкой. Брать железную ложку Мотыля ему не хотелось. Да и мыл ли он свою посуду, в этом тоже были большие сомнения. С усмешкой поглядывая, как хозяин дома вынимает и рассматривает драгоценности, полученные для проведения операции у местного оперативника Смерша, Сосновский наконец заговорил, продолжая копировать немецкий акцент.

– Нравятся? Это все будет твое, если ты меня укроешь на несколько дней у себя. Я слишком долго прятался по лесам и заброшенным хуторам. Мне нужно восстановить силы. Поесть, выспаться наконец. Мне нужно побыть несколько дней

в безопасности, чтобы я смог снова попробовать пробиться на запад к своим. Понял меня?

— Понял, понял! — с готовностью закивал хозяин. — Я помогу, почему не помочь хорошему человеку. У меня тут тихо, можно хоть всю жизнь прожить, никто и не заподозрит.

— Но, но! — нахмурился Сосновский. — Не говори мне этого! Я не собираюсь провести остаток дней в этом... в этой... — Сосновский сделал вид, что никак не подберет русское определение места, в котором оказался. Хотелось назвать его пообиднее, но «немец» не должен был знать таких русских слов, как конура, притон или нищенский дом. — А сейчас я заберу у тебя драгоценности и отдам их тебе, когда буду уходить, если ты выполнишь все как надо.

Он забрал из рук Мотыля мешочек, с брезгливостью глядя в лицо этого человека. Какой же он был жалкий, жадный. Да, этот сделает все, мать родную продаст, близкого друга зарежет за такие деньги. А я ведь ему не друг.

На ночь Мотыль уступил гостю свою постель, а себе постелил на полу возле печи. За весь день он не задал Сосновскому ни единого вопроса о том, кто тот такой, откуда и куда идет, каковы его планы. Наверное, догадывался и еще вернее понимал, что такое любопытство до добра не доводит. Был и еще один ответ на этот вопрос. Мотыля не интересовала судьба гостя и его личность, его интересовало лишь золото, которое показал немец. И когда Сосновский, кое-как помывшись над тазом в горнице, улегся на кровать хозяина,

Мотыль долго ходил по дому, делая вид, что занят домашними делами. Наконец затих и он на полу, лежа на старом полушубке. Прошло не менее двух часов. Уставший Сосновский боролся со сном. Он старался сконцентрироваться на смертельной опасности. А опасность была – уж очень блестяли глаза у Мотыля, когда он рассматривал драгоценности, и слишком тихо он лежал. Деревенские мужики так не спят, тем более что спать мешала назойливая муха да комар, жужжавший над ухом. А Мотыль должен еще и храпеть во сне, но он не храпел.

Сосновский не ошибся. Два часа ожидания дали результат, правда, честность Мотыля больше была бы на руку Сосновскому, но что есть, то есть. И придется примеряться к создавшемуся положению. Хозяин неслышно поднялся, осторожно ступая босыми ногами по скрипучему полу, он подошел к постели своего гостя и стал осторожно совать руку под подушку. Сосновский делал вид, что крепко спит, сморенный многодневной усталостью, и даже застонал «во сне», чуть повернув голову на подушке. Мотыль замер, он стоял так почти минуту, выжидая, и только потом снова стал продвигать руку под подушкой спящего гостя. Наконец его пальцы коснулись пистолета, и он потянул его на себя.

Играть дальше было бессмысленно, и Сосновский сделал вид, что проснулся. Он открыл глаза, сонно хлопая ресницами, а потом испуганно привстал на локтях и уставился на хозяина дома. Мотыль тут же сдвинул в сторону флажок предо-

хранителя, обхватил ствол пистолета зимней шапкой-ушанкой, которую припас заранее, и нажал на спусковой крючок. Сухой щелчок бойка прозвучал тихо и безнадежно. Мотыль так побледнел, что это стало заметно даже в темноте. Он выронил шапку, которую намеревался использовать вместо глушителя, и продолжал щелкать бойком, целясь в лицо гостю.

– Топором надо было бить! – зло произнес Сосновский. – Я же вчера специально патроны вытащил. Не ошибся я в тебе, Зенон Мотыль! Знал, что гостя под крышей своего дома ты постараться подло убить.

Перепуганный Мотыль со злобным стоном размахнулся и швырнул пистолет в голову гостю. Сосновский успел поднять подушку, и она приняла на себя удар. Сосновский отшвырнул подушку и бросился на Мотыля. Мужчина не успел добежать до печки, где стоял почерневший от копоти и давно не использовавшийся ухват. Пяткой босой ноги Сосновский ударил хозяина в спину, и тот врезался головой в печь. Подскочив к предателю, Сосновский схватил его за волосы и еще дважды ударил лицом о печные кирпичи. Опустив Мотыля, он с мрачным удовлетворением наблюдал за тем, как тот обмяк, стеная и всхлипывая, сжал разбитое в кровь лицо и сполз на пол, оставляя на печи темные полосы крови.

Вся нелепая схватка продолжалась меньше минуты. Но из-за шума, грохота упавшей лавки и звука скатившегося на пол чугуна Сосновский не уловил движения за окном и за

дверью в сенях. Дверь, которую Сосновский считал запертой изнутри на массивный крючок, рывком распахнулась, и на пороге появились две темные фигуры в полевых немецких мундирах. Дула двух «шмайссеров» нацелились на людей. Ждать, когда события развернутся по весьма неудобному для него сценарию, Сосновский не собирался и тут же выкрикнул по-немецки:

– Не стрелять! Я немецкий офицер!

В сенях что-то упало и покатилося по полу, и следом мимо автоматчиков протиснулся невысокий худощавый немец в армейской фуражке с высокой тульей. Автомат он держал в опущенной руке. Осмотревшись по сторонам, насколько это было возможно в темноте, он подошел к кровати и потыкал стволом «шмайссера» в постель. Затем заглянул за печку, а потом снял фуражку, бросил ее на некрашенный стол и уселся на лавку, держа автомат на коленях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.